

Научная статья / Article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Язык как опыт профессиональной рефлексии писателя

Жанна Николаевна Маслова

Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I,
Санкт-Петербург, Россия
maslovajeanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4937-150X>

Аннотация. Для писателя язык является профессиональным инструментом. Одновременно язык — часть не только индивидуального сознания каждого человека, но и коллективного. Носители языка, существуя в актуальном моменте, как правило, не придают значения тому факту, что восприятие явлений объективной реальности меняется вместе со сменой эпох. Между тем в ретроспективе могут наблюдаться серьезные трансформации. Данная статья представляет результаты системного анализа высказываний о языке авторов классической русской литературы XIX — первой половины XX века.

Цель исследования состоит в изучении трансформации взглядов на язык и оценки языковых явлений мастерами слова. Это важно, так как язык русской классической литературы является вершиной развития языка; высказывания известных писателей о языке часто используются в просветительских, учебных, идеологических, научных целях. Однако существенным является изменение условий бытования языка. Писатели-классики русской литературы существовали в совершенно ином контексте, поэтому одним из научно значимых результатов проведенного анализа стало выявление тех языковых вопросов, которые были актуальны в исторической перспективе.

Тематическая классификация материала и последующий тематическо-смысловой анализ показали наличие нескольких ключевых вопросов, вокруг которых группируются мнения авторов. Это соотношение мысли и языка, проблема овладения русским языком как родным и правомерность заимствований, а также переживание конфликта мировоззрений и поиски в языке духовного начала русской нации. В последнем случае ключевым термином можно считать «народность», так как народный язык признавался идущим от самой жизни. В понятии «народность» слились духовные поиски и обсуждение языковых вопросов.

Дискуссии по поводу сути и значения «народности» продолжаются и в настоящее время, поэтому в статье дан обзор ряда публикаций. Новизна исследования определяется систематизацией и выявлением изменений в восприятии и оценке фактов и перспектив развития и бытования языка в контексте профессиональной рефлексии.

Ключевые слова: заимствования, коммуникация, литература, мировоззрение, народность, мысль, язык

Для цитирования: Маслова Ж. Н. Язык как опыт профессиональной рефлексии писателя // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 38–52. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Language as a Writer's Experience of Professional Reflection

Zhanna N. Maslova

Emperor Alexander I St.-Petersburg State Transport University,
Saint Petersburg, Russia
maslovajeanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4937-150X>

Abstract. *For a writer, language is a professional tool. At the same time, it is part not only of the individual consciousness of each person, but also of the collective consciousness. Speakers of the language, existing in the actual moment, as a rule, do not attach importance to the fact that the perception of the phenomena of the objective reality changes with the change of epochs. Meanwhile, serious transformations can be observed in retrospect. This article presents the results of a systematic analysis of statements about the language of the authors of the classical Russian literature of the 19th — first half of the 20th centuries.*

The aim of the research is to study the transformation of views on language and evaluation of linguistic phenomena by the masters of words. It is important because the language of Russian classical literature is the pinnacle of language development, the statements of famous writers about language are often used for enlightenment, educational, ideological, scientific purposes. However, the change in the conditions of language existence is essential. Classical writers existed in a completely different context, so one of the scientifically significant results of the analysis was the identification of those language issues that were relevant in the historical perspective.

The thematic classification of the material and the subsequent thematic analysis showed the presence of several key issues around which the authors' opinions are grouped. These are the relationship between thought and language, the problem of mastering Russian as a native language and the legitimacy of borrowing, as well as the experience of the conflict of worldviews and the search in language for the spiritual beginning of the Russian nation. In the latter case, the key term can be considered nationality ('narodnost'), since the language of the people was recognized as coming from life itself. The concept of 'nationality' merged spiritual search and discussion of linguistic issues.

Discussions about the essence and meaning of 'nationality' continue at present, so the article reviews a number of publications. The novelty of the research is determined by the systematization and identification of changes in the perception and evaluation of facts and prospects of language development and existence in the context of professional reflection.

Keywords: borrowings, communication, literature, worldview, nationality, thought, language

For citation: Maslova Zh. N. Language as a Writer's Experience of Professional Reflection. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 38–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Введение. Научная рефлексия над языком многогранна, поэтому дискуссия на тему «Что есть язык для человека?» продолжается сквозь время. Для писателей язык является одновременно материалом и объектом изображения, а также предметом особой творческой и одновременно профессиональной рефлексии. Высказывания писателей по поводу языка и стиля нередко включаются в научные и публицистические работы различной тематики, прежде всего с иллюстративной функцией. Системный анализ подобного материала представляется особенно продуктивным, так как отношение к языку постоянно переосмысливается на разных этапах общественного развития. Это дает новые возможности для анализа результатов авторской рефлексии — высказываний русских писателей о языке, стиле и природе писательского труда.

Методы исследования, теоретическая база. В данной статье предпринята попытка тематически-смыслового анализа высказываний писателей-классиков XIX — первой половины XX века с целью изучения трансформации их взглядов на сущность языка и ряд его аспектов. Материалом послужили выдержки из писем, рукописей, критических статей, архивных материалов, собранные и сгруппированные в четырехтомнике «Русские писатели о литературном труде» [1]. Данный сборник является результатом большой работы научного коллектива, он призван создать целостное впечатление, поэтому авторы, не включенные в издание, к исследованию не привлекались.

Результаты исследования и их обсуждение. В рассуждениях писателей о языке можно выделить ряд ключевых вопросов, которые остаются актуальными для современной науки и общественного развития, что говорит о важности данных проблем в общественной жизни того времени. В связи с этим важно проанализировать изменения во взглядах писателей разных поколений. Дело в том, что, обращаясь к текстам классической литературы, современный читатель интерпретирует их с высоты своего восприятия, изнутри настоящей языковой ситуации. Между тем современники лишь участвуют в дискуссии сквозь время. Ретроспективный взгляд по-

зволяет обнаружить смену акцентов, иное смысловое наполнение понятий и т. п.

Часто не учитывается тот факт, что языковое пространство в XIX и первой половине XX века было иным, культурный и языковой контекст также были качественно иными. В результате анализа языкового материала выделено несколько вопросов, которые обсуждались писателями в этот период.

1. *Язык и мысль*. В своих рассуждениях писатели XIX века касаются взаимоотношений слова и мысли, намечая одно из направлений современной лингвистической науки [2]. Язык и мысль противопоставлены как материальное — нематериальное, внешнее — внутреннее. В материалах четырехтомника «Русские писатели о литературном труде» взгляд на взаимоотношения языка и мысли получает выраженную репрезентацию, начиная с Ф. М. Достоевского: «Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой» (1863 г.) [1, Т. 3, с. 174]. Н. С. Лесковым связь языка и мысли также четко осознавалась: «Соответствие слов предмету [мысли] имеет несомненное значение» (1880 г.) [1, Т. 3, с. 219].

В основе этих размышлений находился вопрос о языке как эффективном инструменте коммуникации — лишь через слово возможно передать мысль от одного человека другому и сделать эту мысль частью не индивидуального, а коллективного сознания. В начале XX века В. Г. Короленко утверждал, что «слово дано человеку ... для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которыми он обладает, — другим людям» (1904 г.) [1, Т. 3, с. 654].

В XX веке акцент с человеческого сознания и коммуникации смещается на необходимость трансформации языка вместе с эпохой, со временем. Новый виток данной дискуссии был порожден глобальными историческими событиями начала века и **сформулирован** В. В. Маяковским в статье «Без белых флагов» (1914 г.): «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства. Каждый же период жизни имеет свою словесную формулу» [1, Т. 4, с. 454]. Хотя В. В. Маяковский исходил из понимания искусства как прикладного явления и заявлял о борьбе с бесполезным искусством, его формула «каждый период жизни имеет свою словесную формулу» универсальна, потому что последующие годы породили значительное изменение словаря. Этот факт, а также множество других, в частности многочисленные литературные манифесты, в которых по-разному ставились вопросы и о языке, отразили мас-

штаб социально-экономических и мировоззренческих преобразований. Задача языка переосмысливается — он должен выражать не мысли как порождение индивидуального сознания, а жизнь, общественные процессы. С личности акцент переносится на коллектив.

Следует подчеркнуть, что в рамках различных художественных систем понимание писателями языка может быть кардинально противоположным, например, реалисты и русский авангард. Однако исследование выявило некоторые узловые вопросы, которые осмысливаются писателями в процессе вторичной рефлексии и становятся четко видимыми именно как результат данной деятельности.

Так, мысль о связи мысли и языка не исчезает из поля профессиональной рефлексии, а получает развитие уже в другом историко-литературном периоде. У А. Н. Толстого находим в стенограмме лекции о языке в Военной академии (1943 г.): «Что такое язык? Прежде всего это не только способ выражать свои мысли, но и творить свои мысли... Язык рождает фантазию» [1, Т. 4, с. 544]. А. Н. Толстой выделяет способность языка порождать выводное новое знание. Данная проблематика активно разрабатывается в современной когнитивной лингвистике например. Кроме того, А. Н. Толстой говорил о связи языка и жеста, в духе эпохи заостряя ценность труда: «Нужно подойти к коренным истокам языка, к началу всех начал — к труду, к трудовым процессам, и только там найти давно потерянный ключ — жест — и отомкнуть им слово» [1, Т. 4, с. 540]. Эти слова предвосхитили исследования мультимодальной коммуникации [2, 3] и жестикуляционной лингвистики [4].

2. *Проблема овладения родным языком*, необходимость учиться мыслить на русском языке была важна для русского общества (высших сословий, прежде всего) второй половины XIX века. Она неизбежно находилась в контексте споров славянофилов и западников, развернувшихся в 40–50-е годы XIX века [5]. Возникла проблема усвоения русского языка представителями разных сословий как процесса включения в единую лингвокультуру.

Для И. А. Гончарова важен антагонизм искусственности и естественности в использовании языка, влияние двуязычия на восприятие реальности, национальную идентичность: «Меня перестала пугать мысль, что я слишком прост в речи, что не умею говорить по-тургеневски» (1870-е гг.) [1, Т. 3, с. 111]. Владение французским (иностранном) не просто рассматривается как результат образования и приобщения к другой лингвокультуре, а приобретает оценочный смысл, в нем видится препятствие для формирования нацио-

нальной идентичности. Писатель сообщал о русских, говорящих на французском языке, следующее: «Этот нейтральный язык стирает с них национальность... Но никогда они не будут говорить, как француз и англичанин говорит... их язык уж вовсе не похож на то бледное, условное наречие, каким говорят наши космополиты» [1, Т. 3, с. 113–114]. Естественность процесса усвоения родного языка (с колыбели, от кормилицы, няньки, товарища [1, Т. 3, с. 113]) противопоставлена И. А. Гончаровым искусственности усвоения иностранного языка с учителем.

Для Ф. М. Достоевского родной язык служил основой, которой необходимо овладеть прежде, чем изучать любой иностранный язык: «Только лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, т. е. родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный... Из иностранного языка мы невидимо возьмем тогда несколько чуждых нашему языку форм и согласим их — тоже невидимо и невольно, с формами нашей мысли — и тем расширим ее» [1, Т. 3, с. 177]. Ф. М. Достоевский видел в освоении иностранных языков способ обогащения родного языка.

Отдельно следует сказать об отношении к заимствованиям иностранных слов. Дискуссии вокруг этого вопроса не утихают по настоящее время. Например, Н. С. Лесков в 1890-е годы констатировал, что «новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности», имея в виду такие слова, как эвакуация, экстрадиция [1, Т. 3, с. 222]. При этом Н. С. Лесков выступал против активного заимствования иностранных слов: «Надо беречь наш богатый и прекрасный язык от порчи» [1, Т. 3, с. 219].

Важно отметить, что именно здесь вскрываются важные различия в отношении к языку. Для писателей XIX века заимствования были лишь частным случаем в оценке качества языка. Анализ материала показывает, что для писателей как представителей общества была актуальна проблема «неоднородности» языка — так находили отражение в языке сословные различия. Ф. М. Достоевский свидетельствовал, что «русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем давным-давно уже не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный, и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике» [1, Т. 3, с. 176]. В 1876 году, упоминая русского писателя Д. В. Григоровича, Достоевский говорит о нем как об авторе, «который не

только русскому языку выучился, не зная его вовсе, но даже и мужику русскому обучился — и писал потом романы из крестьянского быта» [1, Т. 3, с. 176]. Здесь важно отметить четко ощущаемую разницу между языком образованной части русского общества и языком крестьянства (мужика русского). Впоследствии этот факт станет основой рассуждений о природе и роли народности в языке, о значении «народного» языка для развития литературы.

В XX веке социальная проблема различия в языковой культуре разных сословий получила иное развитие. Поток иноязычных заимствований продолжился, но это явление не рассматривалось как однозначно негативное. Рост иностранных заимствований отмечал и А. Н. Толстой: «Известный процент иностранных слов возрастает в язык. И в каждом случае инстинкт художника должен определять эту меру иностранных слов, их необходимость» (1924 г.) [1, Т. 4, с. 531].

В 1934 году в «Открытом письме А.С. Серафимовичу» [с. 209] А. М. Горький писал: «Процесс освоения иноязычных слов вполне законен тогда, когда чужие слова фонетически сродны осваиваемому языку». А. М. Горького больше заботило очищение литературы от «словесного хлама» [1, Т. 4, с. 208] — «мещанского лексикона провинции», блатного языка — и язык писателей XIX века он ставил в пример: «неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого» [1, Т. 4, с. 213].

Говоря о том, что «иностраница из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы» [1, Т. 4, с. 455], В. В. Маяковский имел в виду не только иностранные слова. Он говорил так и о газетных клише публицистического стиля (достигло апогея, потерпела фиаско), которые часто содержали заимствованные слова, и о поэтических штампах (хитоны, Парфенон, грезы). Проблема заимствования у него слита с проблемой искусственности языка и стиля, что в целом говорило о поисках адекватной формы языкового выражения для реалий нового времени. Эту потребность в качественных изменениях языка ощущали одними из первых художники слова.

Таким образом, в оценке заимствования русским языком иностранных слов большинство писателей придерживались принципа разумности. Анализ материала показывает, что приток иностранных слов в русский язык имел место в разные исторические эпохи,

и он не привел к деградации или разрушению языка. Более серьезным фактором, влияющим на русский язык, стало сословное неравенство, в результате которого язык разных сословий сильно отличался. Различия были настолько сильны, что «народному» языку писателям приходилось обучаться. Одним из ключевых слов в обсуждении этой проблемы стало слово «народность», часто употребляемое писателями при обсуждении проблем языка. Следует отметить, что данное понятие имело широкое толкование, поэтому особенности его использования писателями нуждаются в уточнении.

3. *Народность*. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова народность определяется как «совокупность национальных черт, свойственных какому-нибудь народу» [6]. В Большом энциклопедическом словаре народность — это «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей» [7].

К XXI веку сформировался целый пласт исследований народности, где точкой отсчёта часто служила советская эпоха, в рамках которой содержание понятия сильно трансформировалось: «понятие “народность” в советском литературоведении и критике до недавнего времени трактовалось как адекватное “коммунистической идейности”» [8, с. 12].

В современный период речь идет не о народности языка, а о народности литературы и — шире — народности искусства. Введение всеобщего обязательного образования, развитие средств массовой информации, технический прогресс привели к тому, что в XX веке социальная ситуация изменилась коренным образом. «Народный» язык перестал быть маркером происхождения, ореол его использования сузился и изменился. Отдельные черты были заимствованы литературой и искусством как средства художественной выразительности. В советскую эпоху они стали сигналами оформившегося «художественного» образа и символами закрепленного понимания народности. Предположительно это жизнь в естественной, прежде всего сельской среде, близость к народной культуре, низкий уровень образования, житейская мудрость и т. п. А. И. Лазарев в публикациях 90-х годов прошлого века справедливо отмечал, что словом «народность» характеризуют три разные субстанции в области художественной культуры. Это: 1) отношение индивидуального творчества к коллективному... «степень творческого заимствования и наследования профессиональной литературой (искусством) мотивов, образов, поэтики народного поэтического творчества»;

2) «мера глубины и адекватности отражения в художественном произведении облика и мирозерцания народа»; 3) «мера эстетической и социальной доступности искусства массам» [8, с. 13]. Ни одна из этих трактовок полностью не совпадает с тем смыслом, который вкладывали в слово «народность» писатели XIX – первой половины XX века.

На наш взгляд, понимание данного термина, близкое к пониманию народности в рассматриваемой эпохе, представлено в словарной статье Художественной энциклопедии: «Народность искусства, одно из основных понятий марксистско-ленинской эстетики, означающее связь искусства с народом, обусловленность художественных явлений жизнью, борьбой, идеями, чувствами и устремлениями трудящихся, выражение в искусстве идеалов, интересов и психологии народных масс» [9]. Здесь отражена существующая вне и до марксистско-ленинского дискурса концептуальная связь между идеалами и устремлениями многочисленной части русского общества (напомним, что в первой половине XIX века крестьянство составляло примерно 9/10 производительного населения России [10]) и языком.

Писателями ощущался прежде всего выраженный в языке конфликт мировоззрений, который обуславливал качественные отличия «народного» языка. Если поставить знак равенства между народностью и мировоззрением, то становится понятно, почему в XIX веке многими язык рассматривался как главная репрезентация народности. Так, в 1870-е годы И. А. Гончаров писал: «Язык есть главное, чуть ли не единственное выражение и отражение народности» [1, Т. 3, с. 115]. Однако в том конфликте, «который возникает между народом и определенными группами писателей, художников, повинны отнюдь не те, кто воспринимает искусство» [8, с. 15].

С другой стороны, народный язык служил воплощением жизни, жизнь проживалась в языке. Эта мысль интерпретировалась на разных уровнях, и, говоря о народности, нельзя не упомянуть деятельность славянофилов и западников во второй половине XIX века [5; 11; 12]. Ф. М. Достоевским народный язык воспринимался как часть повседневной реальности. Структурные и стилистические особенности «народного» языка ощущались им очень остро: «...выговаривает его отец Феропонт, а он не может говорить иначе, и если б даже мог сказать: пропах, то не скажет, а скажет провонял» (1879 г.) [1, Т. 3, с. 182].

Народный язык — это прежде всего язык купцов, крестьян, мещан, цеховых, инородцев, казаков — осознавался как самостоятельное явление. Так как писатели были в большинстве своем выходцами из дворянского сословия, этот язык был для них «другим», в произведениях они имитировали речь «русского мужика» («мужичу русскому обучился» — Ф. М. Достоевский), подстраиваясь под его мировоззрение. Данная мысль логически продолжала рассуждения классиков о связи мысли и слова, авторы активно обращались к ресурсам народного языка в поисках глубины и содержательности исследуемых в творчестве вопросов.

Например, Н. С. Лесков в своем творчестве активно опирался на возможности простонародного языка, добиваясь естественности изображения героев: «Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош» [1, Т. 3, с. 221]. «Чтобы мыслить «образно» и писать так, надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению... Человек живет словами... Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения» (1890-е гг.) [1, Т. 3, с. 221].

В связи с этим в литературе возникла проблема не только использования, но и неумелой стилизации русского «народного» языка, когда форма переносилась без содержания. Много критических замечаний по поводу необоснованного использования «простонародных» слов и выражений содержится у А. П. Чехова. В 1889 году в письме к Ал. П. Чехову он утверждал: «Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пуцая и без таперича» [1, Т. 3, с. 417].

Сознательное искажение языка для имитации речи представителей определенного социального слоя было в литературе второй половины XIX века явлением не исключительным: «Я знаю одного писателя-народника — так он, когда пишет, усердно роется у Даля и в Островском и набирает оттуда подходящих “народных” слов» (А. П. Чехов в воспоминаниях современников, И. Н. Потапенко) [1, Т. 3, с. 287, 420]. Очевидно, что критике подвергалось стремление некоторых авторов лишь к внешней имитации народной речи — без проникновения в суть народной жизни и характера.

Наряду с критикой неуместного использования «простонародных» слов вопрос о правильности языка и о его социальной неодно-

родности также являлся предметом профессиональной рефлексии писателей. Многочисленные высказывания А. П. Чехова свидетельствуют об актуальности данной проблемы не только для литературы, но и для повседневной речи: «“Мы-ста” и “шашнадцать” сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа» (1892 г.) [1, Т. 3, с. 419].

Вопрос о «народности» языка был частью дискуссии о социальной неоднородности языка: «У писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса» (Л. Н. Толстой, 1853 г.) [1, Т. 3, с. 585]. Народный язык признавался естественным, идущим от самой жизни: «Народ надо просто знать, как самую свою жизнь, не штудировав ее, а живучи ею» (Н. С. Лесков, 1885 г.) [1, Т. 3, с. 213]. Л. Н. Толстой считал народный язык основой, близкой к сути вещей. В 1853 году в своем дневнике он писал: «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку» [1, Т. 3, с. 585].

Примечательно, что писатели не использовали понятия «литературная норма», «диалект», «просторечие», хотя толковые словари начали появляться уже в XVIII веке. Первым собственно толковым словарем явился изданный в 1789–1794 годах шеститомный «Словарь Академии Российской», содержащий 43 257 слов [13]. В 1863–1866 годах был создан четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [14]. А. П. Чехов определял такие слова как «провинциализмы»: «Всю музыку Вы испортили провинциализмами... Кабачки, отчини дверь, говорить и проч. – за все это не скажет Вам спасибо великоросс» (1888 г.) [1, Т. 3, с. 417].

Решая вопрос о статусе «провинциализмов» в литературе, писатели задумывались также о специфике и возможностях литературного языка, о его связи с народной повседневной речью. Современники так писали о Л. Толстом: «он... выходит на шоссе... и сейчас же находит на нем богомолки и богомольцев. С ними начинаются разговоры... Он стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов, каждый день все больше бранит наш литературный язык, называя его не русским, а испанским» (Письмо Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому, 1879 г.) [1, Т. 3, с. 593].

Такой интерес к народной речи, на наш взгляд, был обусловлен стремлением перенести в литературу не только достоверную речь

героев, но и ценности — народную мысль, мировоззрение, характер. Литература осознала как объединяющая сила: «Язык, по самой природе своей, есть орудие общения. Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота — есть великое общественное дело» (В. Г. Короленко, 1904 г.) [1, Т. 3, с. 654]. Можно сделать вывод о том, что, согласно взглядам писателей, литература должна была синтезировать через язык богатство народного духа и образованность дворянского сословия, сыграв объединяющую роль в русском обществе.

Только со второй половины XIX века начала зарождаться диалектология как научная дисциплина. М. Горький говорит об этих территориальных различиях в 1930 году в «Письмах начинающим литераторам»: «У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои “говора”, свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски» [1, Т. 4, с. 200]. Это осознание территориальных различий пришло позже. Раньше были социальные.

После 1917 года произошла смена в восприятии языка: если писатели XIX века обращались как к образцу к языку народа, то в XX веке язык самих классиков литературы стал образцом. Уже в 1900 году М. Горький писал: «как стилист Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов» [1, Т. 4, с. 191]. После революции осмысление языка стало частью нового дискурса, порожденного молодым советским государством: «Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна чёткая идеология» (М. Горький, из «Открытого письма А. С. Серафимовичу», 1934 г.) [1, Т. 4, с. 208]. Язык рассматривался в дискурсе преобразования как явление, требующее улучшения и обновления.

Относительность восприятия сложных явлений, обусловленная временем и пространством, касается и языка. В рамках методологии когнитивной лингвистики важная мысль сформулирована А. В. Кравченко: «Пишущий не взаимодействует с другим; он вступает в диалог со своим собственным “Я” как когнитивной структурой, сформировавшейся в ходе всей истории его индивидуального развития как живой системы» [3]. «Читающий, воспринимая созданный другим текст, взаимодействует не с автором текста, но со своим когнитивным “Я”, структура которого не идентична когнитивной структуре “Я” автора текста» [3, с. 24]. Рефлексирующий человек исходит из окружающего контекста и собственной жизнен-

ной перспективы, он может вкладывать иной смысл даже в хорошо известные слова. На общественном уровне это проявляется в упущении того факта, что восприятие и оценки неких константных вещей могут сильно трансформироваться в череде поколений. Зачастую имеет место проекция современного видения на исторический материал, что неизбежно ведет к искажению выводов и противоречит научной объективности.

Заключение. Размышления русских писателей о языке, зафиксированные в документах, обнаруживают несколько ключевых вопросов (хотя их список не является окончательным), которые продолжают оставаться актуальными для современного общества, при этом получая разное развитие. Соотношение мысли и языка изучается в психологии и когнитивной лингвистике, становится объектом научных дисциплин. Дискуссия об уместности заимствований в русском языке более не является частью публичных прений. Вопрос о природе народности коренится в культурологии и философии.

Следует отметить принципиальные различия в оценке языка в ретроспективе. Рефлексия над языком русских писателей XIX — первой половины XX века была обусловлена становлением русского литературного языка и качественными различиями в русском языке, сформировавшимися в результате сословного разделения русского общества. Для писателей-классиков народный язык являлся подлинной ценностью. Этот комплекс мировоззренческих отличий и быта, нашедших воплощение в языке необразованных сословий, писатели определяли как «народность».

Анализируемый материал показывает, как смена государственного и социального устройства повлияла на трансформацию взглядов писателей. В эпоху отсутствия всеобщего обязательного образования понятие о литературной норме связывалось не с толковым словарем, а с наследием А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, поэтому статус и роль «народных» элементов оценивался писателями не как отклонение от литературной нормы, а как погружение в истинно народную стихию. В первой половине XX века проблема стилизации под «народный» язык была по-прежнему актуальна, но она была обусловлена формированием нового типа автора, так как класс рабочих и крестьян получил функцию производителя духовных ценностей.

Список источников

1. Русские писатели о литературном труде : в 4 т. / под общ. ред. Б. Мейлаха. Л.: Советский писатель, 1955.

2. Ирисханова О. К., Киосе М. И., Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31.
3. Кравченко А. В. «Язык писателя» как семиотический конструкт // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 21–29.
4. Слово и жест : материалы науч. конф., посвящ. пам. Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2023 г. / отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. 80 с.
5. Чапаева Л. Г. Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2022. №. 4 (94). С. 115–121.
6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд, перераб. и доп. М: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1434 с.
8. Лазарев А. И. Понятие «Народность» в свете нового мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 1993. №. 1 (2). С. 10–20.
9. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевого. М.: Советская энциклопедия, 1986. 447 с.
10. Крестьянство и крестьянское хозяйство в первой половине XIX века. URL: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema3.htm (дата обращения: 29.07.2023).
11. Рымарь С. В. Русская народность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №. 33 (287). С. 19–26.
12. Целищев Н. Н. Классики русской литературы о русском языке // АОН. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-russkoj-literatury-o-russkom-yazyke> (дата обращения: 11.07.2023).
13. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 114–143.
14. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / [соч.] Владимира Даля; под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. Т. 1–4.

References

1. *Russkie pisateli o literaturnom trude* [Russian writers about literary labor]. Edited by B. Meylakh. In 4 Vol. Leningrad: Sovetskiypisatel', 1955. (In Russ.)
2. Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Leont'eva A. V., Agafonova O. V. Polymodal spatial deixis in speech and gesture: coordinate systems in explanatory discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2022. No 4. Pp. 17–31. (In Russ.)

3. Kravchenko A. V. The language of the writer” as a semiotic construct. *Aktual'nye problem filologii pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2014. No 16. Pp. 21–29. (In Russ.)

4. *Slovo I zhest. Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati E. A. Grishinoy («Grishinskiyechteniya»)*. Moskva, 8.02.2023. *Materialy konferentsii.* / Otv. red. S. O. Savchuk. [Word and gesture. Scientific conference dedicated to the memory of E.A. Grishina (“Grishin Readings”). Moscow, 02.08.2023. Proceedings of the Conference/ Ch.ed. S. O. Savchuk]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2023. 80 p. (In Russ.)

5. Chapaeva L. G. Slavophile and Westerner: two types of Russian intellectual (linguistic aspect). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022. No 4 (94). Pp. 115–121. (In Russ.)

6. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by D. N. Ushakova. In 4 Vol. Moscow: OGIZ.1935–1940. (In Russ.)

7. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. Ch. ed. A. M. Prokhorov. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; St. Petersburg: Norint, 2000. 1434 p. (In Russ.)

8. Lazarev A. I. The concept of ‘Nationality’ in the light of new thinking. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 1993. No 1 (2). Pp. 10–20. (In Russ.)

9. *Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya* [Popular Art Encyclopedia]. Ed. by V. M. Polevogo. Moscow: Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya», 1986. 447 p. (In Russ.)

10. *Krest'yanstvo i krest'yanskoek hozyaystvo v pervoy polovine XIX veka* [Peasantry and peasant economy in the first half of the 19th century]. Available at: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema3.htm (accessed: 29.07.2023). (In Russ.)

11. Rymar' S. V. Russian nationality. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012. No 33 (287). Pp. 19–26. (In Russ.)

12. Tselishchev N. N. Classics of Russian literature about the Russian language. *AON*. 2014. No 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-russkoy-literatury-o-russkom-yazyke> (accessed: 11.07.2023). (In Russ.)

13. Birzhakova E. E. *Russkayaleksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the XVIII century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. Pp. 114–143. (In Russ.)

14. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] : [v 4 t.] / [essays] Vladimira Dalya. Ed. by Prof. I.A. Boduena-de-Kurtene. St. Petersburg; Moscow: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911. Vol. 1–4. (In Russ.)

Сведения об авторе

Маслова Жанна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I (190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9)

Information about the author

Zhanna N. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (9, Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.03.2024

Научная статья / Article

УДК 008: 395.3

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-53>

В тени гения: шаляпинский повар Н. Н. Хвостов

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
Казань, Россия

mifoigra@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Аннотация. *Гений в своем бытии нестабильны. Они нуждаются в поддержке, которую ему оказывают люди из окружения. Как правило, эти люди остаются в тени творца и их заслуги не учитываются. Но без помощи маленьких людей гений не смог бы состояться. Статья посвящена личности шаляпинского повара Николая Николаевича Хвостова (1895–1969), впервые попавшего в оптику научного анализа. Показана актуальность исследований жизни людей, находящихся в тени гения и поддерживающих его в экзистенциальном опыте и творческих исканиях. Биографии маленьких людей, состоящих на службе у художника, раскрывают их незаметный, но ощутимый вклад в творчество гения и мировую культуру в целом. Исходя из особенностей характера Ф. И. Шаляпина воспроизводится реконструкция его коммуникации с подчиненным и осуществляется ее анализ. Основное внимание уделяется специфике кулинарного искусства повара Н. Н. Хвостова, которое повлияло на характер его взаимоотношений с Федором Ивановичем Шаляпиным. Выявлены особые черты соответствия мужчин друг другу, что относится к числу сильных сторон коммуницирования с артистом как человеком порывистым и эмоционально неустойчивым. Н. Н. Хвостов обладал не только лучшими профессиональными качествами, связанными с приготовлением блюд и умением угодить гастрономическим пристрастиям знаменитого баса, но и чуткой натурой, благодаря чему мгновенно улавливал шаляпинские настроения и их изменения. Николай Николаевич отно-*